

Она очень устала в тот вечер. Это была та усталость, когда не ощущаешь уже ничего — даже радости. И ходила по безлюдным улицам Ленинграда так, словно вот сейчас, сегодня, впервые ступила на землю, сделала первые шаги...

Город засыпал... Тихо и внезапно гас в окнах свет — она будто остывала, пробегал за ползательной трамвай — синие искры сыпались из-под дуги, как печальные птицы кружились в свете фонарей опадающие листья... Все одноклассники собрались в их девичьей комнате — «светелке» — отметить самое важное в их жизни событие — дипломный спектакль «Шелкунчик», а она, посидев немного, ушла. Тихонько притворила массивные двери и пошла по улице. Улице ставшей родной, улице где прошло детство, где она выросла и вот, сегодня, кажется, вступила в иную — взрослую жизнь. В искусство...

Малика пошла в сквер к Пушкинскому театру, прошла по аллеям — багряные листья кленов шурушали под ногами. Качались фонари, качались тени деревьев на асфальте, и ей казалась, что кружится голова... Она присела на скамейку, прикрыла глаза. И разом, вдруг, словно вновь взлетел над сценой занавес, обрушились на тишину аплодисменты. Они не смолкали долго. Наверное, целый час гулким прибором рокотал зал. Сердце ее билось также гулко, замирало дыхание, а губы пели в улыбку — улыбку безумно счастливого человека...

А девять лет назад с какой неприкрытой завистью смотрела она из-за кулис на радостные, благодарные лица зрителей, которые аплодировали тем, на кого она втайне мечтала быть похожей. Наталья Дудинская, Нинель Кургапкина, Алла Шелест — это были ее кумиры, богини полета, солнца, нежности, богини танца, умеющие творить чудеса на сцене.

И вот теперь она, Маленькая, хрупкая девочка из далекого Таджикистана, где о существовании балета узнали всего лишь восемнадцать — двадцать лет назад. А ведь русский классический балет гремел по всему миру уже столетия. Неужели и ей посчастливится? Неужели и

она войдет в этот удивительный и прекрасный мир? Чего скрывать, такие мысли не оставляли ее ни на минуту в тот вечер, и испугавшись, что они могут зайти слишком далеко, она не очень охотно поднялась и пошла по затихшей сонной улице, знаменитой улице Зодчего Росси, а сердце сжалось от мысли, что эта прогулка, пожалуй, в последний раз...

Город спал. В дремотной воде каналов чуть заметно дрожали фонари. Тихо шурушали на безлюдных аллеях багряные кленовые листья, мчался в будущее грозный и мятежный Всадник. Тихо светился под холодными звездами купол Исакия, молчаливые и могучие атланты дремтали их влажно блестя в полумраке, низко над городом курлыкали журавли, спали за окнами люди, спали хрустальные лошты в музеях, спала вода и спали мосты, а по улицам Ленинграда шла фея...

Их было десять — выпускников Академического хореографического училища имени Вагановой. Десять счастливиц, которых девять лет назад очень строго, взыскательная комиссия, приехавшая из Ленинграда в Душанбе, отобрала для учебы в прославленном училище. Девять лет они жили под одной крышей.

Каждое утро, как по звонку, поднимались, бежали на занятия в школу, а потом шли в огромный зеркальный зал работать, работать, работать...

И учили их одни преподаватели. И требовали с них одинаково. И взыскивали за неряшливость так же, как взыскивали с взрослого, сложившегося человека... Но почему только она стала принятой в театре, не столь избалованном профессиональной труппой? В чем секрет столь быстрого и ошеломляющего взлета Сабировой? В особой одаренности? Да. Но другие — они ведь тоже были приняты в училище после тщательного отбора. Что же тогда? Талант — плюс огромное трудолюбие. Если хотите — упорство, переходящее в одержимость. Малика безумно влюблена. Влюблена в искусство балета и отдавала ему всю себя безраздельно.

У нее мало выходных. И от-

пуск по болезни она берет только в самых крайних случаях. А ведь, было и так: не повезло ей в Москве летом шестидесяти девяти, перем первым туром международного конкурса. Может быть, простудилась, а возможно, температура поднялась от чрезмерного волнения. Но она никому не сказала об этом. Одесью, замирившись. И пошла разогреться. Она видела, как волновались конкурсанты, одна даже в обморок упала. Она и сама волновалась отчаянно, но понимала, что сейчас, в эти ответственные минуты, надо собрать всю свою волю и не поддаваться слабости. И она победила... Во многом помогла ей Галина Сергеевна Уланова, которая готовила Малику к конкурсу. Малику допустили к участию во втором туре.

Сейчас ее имя произносят рядом с именами прославленных советских танцовщиц Майи Плисецкой, Екатерины Максимовой, Натальи Бессмертной, Нины Тимофеевой, Ирины Колпаковой.

Ее называют выдающейся балериной современности. А она — пятьдесят восемь сантиметров в

талии, маленькая, хрупкая. Девочка! Но как она преображается на сцене. Королева! Богиня! Красавица! Неотразима, величавая! Какой размах рук, какой невозможный шаг, а прыжок — полет птицы! Тринадцать лет танцевала Малика на сцене Таджикского Академического театра им. Айни. Сейчас принято считать, что ей повезло с первых же дней работы в театре. Какой репертуар за столь короткий срок: «Шурале», «Шопениана», «Лебединое озеро», «Доктор Айболит», «Жизель», «Троюм гнома», «Ромео и Джульетта»...

А она не чуралась выходить на сцену по два-три раза за вечер, едва успевая переменить костюм и грим. В тройке, четверке, в не очень броском сольном номере. И тем не менее, ее заметили в общей толпе. Заметили, как замечают крупницу золота в огромных россыпях песка. Может быть, поэтому и доверили юной балерине очень трудную, сложнейшую партию Жизели в одноименном балете Адана.

Жизель — требует отточенной техники, большого актерского мастерства. Ведь переход от почти детской непосредственности, наивности к глубокой человеческой драме происходит внезапно, без «подготовки», и актрису, не обладающую даром перевоплощения, ждет неминуемый провал.

Жизель Малики покорила и покорила своей нежностью, мягкостью, необычайной преданностью любви. Ее сумасшествие и смерть воспринимаются как подлинная трагедия.

Вот первая встреча с Альбертом. Нежность, которую она испытывает к любимому, но боится показать. Ее первый порыв — бежать, скрыться от пристального, вопрошающего взгляда. Но бежать она не может и не хочет — ей очень приятно быть рядом с этим чудесным юношей. Вся жизнь. Именно поэтому ее попросил изменить Альберта. Как! Если такой искренний, чистый юноша, каким казался ей Альберт, солгал, значит, не стоит жить. И она теряет всякий интерес к жизни. Короткими всплесками в памяти ее проходит сцена объяснения с Альбертом, когда она думает о том, что счастье было не мечтой, и... все угасает.

Жизель танцует, но движения ее — чисто механические, лишены чувств, мысли...

Это был дебют начинающей балерины, дебют, утвердивший всех в мысли, что в республике, наконец-то, появилась звезда первой величины.

Когда Малика впервые станцевала Жизель, ей было 21 год. Одетту-Одиллию она станцевала

ЛЕНТОЧКИ К БАЛЕТНЫМ БАШМАЧКАМ

Коллекция Малики Таджикистана. Душанбе. 1991. 17 мая. с. 8-9

Этот очерк был опубликован в сборнике «Грани подвига» пятнадцать лет назад. Когда книга вышла в свет, и я впервые увидела ее название, стало не по себе: при чем тут подвиг? Мое недоумение можно понять: подвиги в дашей славной Отчизне принято было совершать на полях сражений, на хлопковых полях, на великих просторах Нечерноземья, целинных и залежных землях.

Теперь-то понимаешь, жизнь Малики Сабировой можно без преувеличения назвать подвигом: вся она — более четверти века — без остатка была отдана балету, прекраснейшему из искусств. Страны, континенты, перелеты, переезды... Коротенький отдых — и на сцену. Перемена климата, каждый раз — новая, непривычная еда, жизнь в гостиницах, отсутствие домашнего уюта... А концерты, спектакли с ее участием — подлинный праздник.

Эти праздники хорошо помнят сегодня люди среднего и пожилого возраста. Помнят переполненный зрительный зал, гром аплодисментов,

в двадцать два...

Одетта. На озере, куда пришел принц со своими приближенными, его поражает необычайная тишина и загадочность. Может быть, до Зигфрида здесь никогда не было ни одного живого существа? Ведь озеро — заколдованное. Появляется Одетта. Что принес с собой незнакомка? Радость освобождения, надежду на счастье или беду?

Трепещут руки, трепещут плечи. Трепещет все тело. И в этом трепете, во взгляде, полном от страха, то смутно пробуждающейся надежды, балерина передает все нюансы чувств, овладевших в этот миг ее героиней. Темная фигура Ротбарта, зловещая улыбка, свирепый блеск глаз возвратили девушку-лебедь к печальной действительности, и отчаяние, охватившее в эту минуту Одетту, передано Маликой Сабировой в изумительном по силе экспрессии арабеске.

Но это уже не прежняя лебедь — покорная, слабая в своей беззащитности. И Ротбарту теперь стоит больших усилий подчиниться ее своей воле. Одетта поверила в свое счастье. Это счастье — в любви прекрасного принца.

Адажио — дуэт двух любящих сердец — все в узорном сплетении надежды, счастья, радости. Танцовщица то легко простигается в устремленных арабесках, то кружится в плавных турах. Ее танец наполнен страстностью любящей девичьей души. И перед силой этой любви бессильны чары злого волшебства.

Одиллия. Трудность и значительность задачи, стоящей перед исполнительницей ролей Одетты-Одиллии — в полярности этих образов. Ведь Одиллия — самоуверенная, коварная. И если она сумела прельстить Зигфрида, заставить забыть Одетту, то этого она достигла благодаря своей демоничности, властности. Черты характера Одиллии — в походке, позах, жестах, которые так сходны, и в то же время так не похожи на

походку, позу, жесты Одетты... Трудно поверить, что небольшая юная Малика обладает такой удивительной способностью к перевоплощению. Не успеваешь забыть ее нежную, трогательную Одетту из первого акта, а уже захватывает Одиллия — красавица, уверенная в своей неотразимости, убежденная в победе.

Вот она исполняет адажио с Зигфридом. Движения резки, хотя она и старается передать в них что-то напоминающее Одетту: нарменный взгляд, брошенный на принца, сменяется биастательной улыбкой — далеко не щедрая дань восхищенной толпе, и коварный, заговорающий — в сторону своего отца, Ротбарта.

Все это сменяется каскадом фуэте — 32 фуэте, которые исполняются с таким неподражаемым блеском...

Бывает у солистов балета отточенная, даже виртуозная техника. И они блестяще исполняют даже самые сложные номера. Но если танец их лишен выразительности, то вряд ли он тронет сердца зрителей.

Малика сумела стать лебедем.

В танце Малики счастливо сочетались отличная техника и волшебство непосредственности в передаче чувств, мысли, настроения. В этом, наверное, и таится секрет такой огромной популярности балерины у нас в республике, стране, за рубежом...

Жизель, Одетта-Одиллия, Суюмбике, Сары, Джульетта, Береника — эти образы — предмет для особого, искусствоведческого анализа. Может быть, даже книги, посвященной творчеству балерины. Но мой рассказ — о человеке, посвятившем себя очень легкому, полному лишений делу — искусству балета.

Как постигнуть секрет полета, грации в самых сложных движениях, легкости в каждом движении? И вообще, как жить, именно жить на сцене? Только

трудом, упорным, терпеливым. Нужно быть необычайно выносливым человеком, чтоб выдержать все это: балетная диета, почти полный отказ от длительного отдыха, потому что отдых расслабляет мышцы. До предела нагруженные дни — выкроить лишний час на новый фильм — задача непростая. Ведь в сутках двадцать четыре часа! А когда приступают к работе над новым спектаклем, нужно не только изучить либретто — драматургическую схему, Малика считает, что необходимо разобрать музыку — саунд-трек, по нотам. Минута за минуту. Час за часом. Самой сидеть за пианино, прочесть партитуру, сыграть ее, чтоб каждый звук зашел, закружился в душе. Ведь в этих звуках — основа спектакля, образа, волшебства...

Искусство балета усложняется с каждым годом. Если когда-то можно было больше полагаться на пантомиму, то сейчас главное — это действовать на сцене, мыслить глубоко, очень тонко ощущать психологию образа. Может быть, поэтому Малика придает столь огромное значение и драматургии, и музыкальной основе спектакля. И достигает небывалых высот.

Но то было с апробированными произведениями балетного искусства. А классическим наследием. А если столкнешься с тем, что родилось недавно? Как быть с национальным балетом, не имеющим особых традиций? Вот — «Айли и Меджун» Бахасания. Материал национальный. Танцевало его лишь два поколения танцовщиков. Она — из третьего. Спектакль в новой редакции с ее участием принес славу таджикскому театру. Благодаря ему театру присвоили звание академического.

Сила искусства — в его движении, в постоянном обновлении средств выражения. Поэтому и возникла необходимость в осуществлении новой постановки. Эту трудную задачу взяла на себя известная балетмейстер Наталья Коносо совместно с дипломантом ГИТИСа Музаффаром Бурхановым. Роль Лейли исполнила Малика Сабирова.

Она довела свое техническое и актерское мастерство до того уровня, когда все, что она делает на сцене — от самого незначительного движения до сложнейших па — воспринимается зрителем как праздник. А это значит, что за легкостью исполнения не видно труда — как будто невидимой, порой изумительной.

Рисунок роли Лейли отличается от всех созданных до нее балеринами. И главная особенность этого облика: позы, движения, весь пластический строй образа — от драмы, всемирно известной персидской миниатюры. Малика Сабирова создала образ Лейли обобщенный и очень своеобразный, она не только уподобилась, но и точно смогла передать те черты, которые свойственны ее народу.

Лейли — этапная роль в творчестве Сабировой — в ней слилось воедино тончайшее актерское мастерство и блестящая, прямо-таки бисерная техника балерины.

Может быть, благодаря участию в этом спектакле Малика Сабирова смогла так великолепно справиться с партией Китри в знаменитом балете Минкуса «Дон Кихот». В этом спектакле проявились свои силы ведущие танцовщицы всех театров нашей страны и зарубежных стран. Но по пальцам можно перечислить тех, кто сумел создать ярчайший, мобильный характер: Майя Плисецкая, Екатерина Максимова, Нинель Кургапкина...

Балетная интерпретация одной из глав замечательного романа Сервантеса — лишь схематичное, весьма поверхностное изображение эпохи, нравов, взаимоотношений героев. И наполнить эту схему жизнью — задача не из легких. Китри Сабировой — молодая, своеобразная, с большим чувством собственного достоинства, ревнивая красавица-испанка, полная кокетства и тонкого чувства юмора. Она ни на мгновение не выходит из образа. И в этом — секрет огромнейшего успеха балерины в «Дон Кихоте», который смотрели не только душанбинцы, но и любители балета многих городов нашей страны, Москвы и Ленинграда.

Ее называли жестокой. И те, кто выдвигал это обвинение, правы лишь отчасти. Она жестока, скорее беспощадно-бескомпромиссна к тем, кто относится к искусству как к ремеслу, а не как к искусству, как к одной из возможностей прославиться.

А к тем, кто старается, стремится чего-то достигнуть, она очень доброжелательна и никогда не откажется помочь, не посчитается с нехваткой времени. Молодые солисты театра Р. Мавборакшина, Н. Мадьярова, В. Ишанходжаев, В. Алибаев — навсегда сохраняют в душе признательность ей за постоянную помощь, внимание с ее стороны.

Ее всегда окружали люди своего круга, и часто беседы, которые велись в часы отдыха, за обеденным столом — о балете, о балеринах и их партнерах. Что-то кому-то удалось лучше, чем ей, — что ж... Надо попробовать. Не получается сразу — пробовать еще и еще.

Побывайте, хотя бы ради любопытства, в репетиционном за-

ле театра. Посмотрите, как работает Сабирова. Семь потов с нее сойдет, другие уже не могут — уйдут куда-нибудь в уголок и сядут отдыхать. А она работает, работает! Столько, что, кажется, падет сейчас бездыханная.

Ей говорят: «Малика, отдохни немного, потом повторим». А она: «Давайте попробуем еще разок». И этот «разок» повторения не видно труда — как будто невидимой, порой изумительной.

Ей предъявляют еще одно серьезное обвинение — в высокомерии. Но было ли хоть один раз, что кто-нибудь, даже совершенно незнакомый человек, зашел после спектакля в ее гримерную, и перед ним закрыли дверь? Как бы ни устала Малика после напряженнейшего трехчасового выступления, и как бы ни хотелось ей оказаться скорее дома, она примет каждого — приветливо, доброжелательно, спросит, не заметил ли он какой-либо погрешности — и не из кокетства, нет, а совершенно серьезно, искренне.

Она считает, что слава — это не только цветы, но и шипы, которые часто ранят очень больно. Что скрывать — у нее много недоброжелателей, скрытых и открытых завистников — тех, кто считает, что все ей далось слишком легко. Она знает об этом. Но каждый раз, когда видит восторженные глаза своих зрителей, когда они благодарные за доставленное удовольствие, бросают к ее ногам цветы... Ради этого стоит переносить все трудности.

Тем более, когда такой зритель — ведае. И в Душанбе, и в Москве, Ленинграде, Милане и Сполетто, в Англии и Франции.

Латинской Америке и Японии, Индии, Иране, Турции, Бирме. — Малика, в чем секрет такого непреодолимого успеха русско- и советского балета в мире? — спрашиваю.

— Главное, конечно, — советская школа. Здесь искусству балета обучают специалисты — Шаеров, Бибер, Костровицкая, Уланова, Семенова, — знавшие основателей и лучших танцовщиц: Павлову, Фокину, Нижинского, Мордкина, Ваганову, Гельцер. У них великолепная школа и уникальная память — они сохранили все лучшее, что появилось в дни зарождения балета, и передают это всем поколениям своих учеников.

А в других странах балет зародился, можно сказать, на пустом месте. И если сейчас говорят о балете США, Франции, Кубы, Италии — то только потому, что многие из трупп этих стран учились в нашей стране.

Что такое американский балет? Это Баланчин — Георгий Баланчивадзе, закончивший Петербургское хореографическое

училище вместе с Борисом Васильевичем Шаеровым, мои, педагогом, Алисия Алонсо — кубинская прима-балерина и одна из создательниц национальной балетной труппы, училась в Нью-Йорке, у Баланчина. То же самое можно сказать и об итальянской труппе, многие солисты которой стажировались у нас — в Москве и Ленинграде.

Не удивительно, что модерн-балет, пользующийся одно время сенсационным успехом, не привился.

Возможности человеческого тела в наше время стали безграничными. С каждым годом совершенствуется техническое мастерство танцовщиков. Мы выполняем такие технические па, которые не выполняли наши педагоги. Не потому, что не могли. Было другое время, другие требования. Наши дети будут танцевать не так, как мы. Я в этом уверена. Это закономерно. Это — без времени.

Р. МАХМУДОВА.

